

В. Ю. Соболев

Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато

Keywords: Novgorod Land, Izhora Plateau, 12th—13th cent., Old Russian Barrow Culture, funerary rite.

Cuvinte cheie: regiunea Novgorod, platoul Ijora, secolele 12—13, cultura tumulară rusă veche, rituri funerare.

Ключевые слова: Новгородская земля, Ижорское плато, XII—XIII вв., древнерусская курганная культура, погребальный обряд.

V. Yu. Sobolev

Unknown Excavations of S. A. Teplouhov on Izhora Plateau

The article focuses on archaeological excavations on Izhora Plateau carried out by S. A. Teplouhov — a scientific researcher at the Russian Museum, archaeologist and famous student of old sites in Minusinsk Basin, Tuva and Mongolia. He also excavated two medieval burial groups in the Leningrad Oblast in 1927—1928, but only one of his report (1928) on archaeological research in this region has been so far known. The unknown field report about his works in August 1927 near the village Dyatlitsy (now Lomonosov district of the Leningrad Oblast) was found in the archive of the Russian Museum of Ethnography. This document revealed new information about the time and history of settlements on Izhora Plateau and about details of the funerary rite spread among its medieval population.

V. Yu. Sobolev

Cercetări inedite ale lui S. A. Teplouhov pe platoul Ijora

Articolul prezintă analiza raportului despre cercetările arheologice ale lui S. A. Teplouhov pe teritoriul platoului Ijora. S. A. Teplouhov a fost un arheolog, cercetător al siturilor din Depresiunea Minusinsk, Tuva și Mongolia, colaborator al Muzeului Rus. Între anii 1927—1928 el a lucrat în regiunea Leningrad, până la momentul actual însă fiind cunoscut doar un raport privind cercetările sale arheologice în regiunea respectivă. În arhiva Muzeului Etnografic Rus, a fost identificat un raport inedit despre investigațiile lui Teplouhov, realizate în august 1927 lângă s. Deatliț (actualul raion Lomonosov al regiunii Leningrad). Raportul identificat recent furnizează unele noi informații despre perioada și istoria populației platoului Ijora, precum și despre elementele ritului funerar al populației regiunii respective în perioada rusă veche.

В. Ю. Соболев

Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато

Статья посвящена анализу отчета об археологических раскопках С. А. Теплоухова на территории Ижорского плато. С. А. Теплоухов — археолог, известный исследователь памятников Минусинской котловины, Тувы и Монголии, сотрудник Русского музея, в 1927—1928 гг. работал в Ленинградской области, однако до сих был известен лишь один его отчет об археологических исследованиях в данном регионе. В архиве Российского этнографического музея был найден не известный ранее отчет исследователя о его работах в августе 1927 года у дер. Дятлицы (совр. Ломоносовский район Ленинградской области). Выявленный отчет дал новую информацию о времени и истории заселения Ижорского плато и деталях погребального обряда населения в древнерусскую эпоху.

Археологические исследования погребальных памятников древнерусского времени на территории Ижорского плато имеют более чем столетнюю и, как кажется, надежную историю изучения (Рябинин 1997: 5—7, 16—31, 2001: 11—18). Трудными в первую очередь такими исследователями, как А. А. Спицын,

обобщивший и издавший материалы работ Л. К. Ивановского, и Е. А. Рябинин, много лет изучавший археологические памятники региона, создана надежная источниковая база исследования культурно-исторических процессов, протекавших в этой части Новгородской земли на протяжении XI—XIV вв.

Ижорское плато как регион, в пределах которого в разные годы было изучено значительное число древнерусских погребальных памятников, постоянно привлекало внимание и занимало особое место в трудах Ю. М. Лесмана. Именно материалы из раскопок Л. К. Ивановского на Ижорском плато и В. Н. Глазова в Восточном Причудье использовались для апробации и проверки выводов, полученных в работе над диссертационным исследованием (Лесман 1984; 1988), а созданная хронология новгородских древностей позволила датировать более 700 погребений из числа исследованных на Ижорском плато в последней четверти XIX столетия. Проведенное Ю. М. Лесманом исследование, в свою очередь, послужило базой при моделировании им системы древнерусского заселения и расселения на территории региона (Лесман 1982), анализе ярких и зачастую самобытных деталей погребального обряда (Лесман 1981а). Глубокое знание погребальных памятников данной части северо-запада Новгородской земли и неподдельный исследовательский интерес к новым материалам, как полученным в ходе археологических раскопок¹, так и попавшим в его руки от краеведов и коллекционеров, заставляли Ю. М. Лесмана пристально следить за проводившимися в регионе археологическими исследованиями и постоянно возвращаться в своих трудах к проблематике региона (Лесман 2008; 2011).

И все-таки в музейных и архивных хранилищах иногда удается найти не известные и не публиковавшиеся ранее материалы, позволяющие дополнить и уточнить сложившуюся картину. Так, в архиве Российского этнографического музея сохранился полевой отчет С. А. Теплоухова, видного русского историка, археолога и этнографа, одного из пионеров археологического исследования древних культур Минусинской котловины, Тувы, Монголии. Известно, что весной 1928 г. С. А. Теплоухов провел раскопки курганов у села Заполье Оредежского района Лужского округа, где исследовал восемь погребальных насыпей древнерусского времени (Теплоухов 1928). В архиве ИИМК РАН сохранились лишь упоминания о его работах в Северо-

Западной области, однако отчеты об исследованиях отсутствовали.

Обнаруженный в архиве РЭМа отчет (Теплоухов 1927) содержит информацию о раскопках 20 погребальных насыпей, входивших в состав двух курганных групп, располагавшихся к северу и к югу от деревни Дятлицы Троицкого уезда Ораниенбаумского района². Курганы у дер. Дятлицы были известны археологам: в 1883 г. они исследовались Л. К. Ивановским, раскопавшим 52 погребальных насыпи (Спицын 1896: 76), а в 1900 г. члены и слушатели Санкт-Петербургского Археологического института под руководством действительного члена СПбАИ Н. А. Штоффа «как пополнение раскопок Ивановского» (Штофф 1901: 211) исследовали еще 22 кургана и неустановленное число жальников³ (Штофф 1901: 211—217).

Обнаруженный в архиве РЭМ отчет С. А. Теплоухова представляет собой альбом формата А4. На первых страницах кратко дана общая информация о намеченных к исследованию памятниках: описание расположения и внешнего облика обеих курганных групп⁴, строения почв, методики работ и небольшой анализ общего строения погребальных насыпей⁵, предваряющие описание собственно исследованных объектов. Основной отчетный материал скомпонован таким образом, что информация по каждому исследованному кургану занимает разворот: на левой стороне альбомного листа размещено описание кургана, а на правой — его план и разрез, а также чертеж погребения. В отчете отсутствуют фотоматериалы и рисунки найденных при раскопках вещей, также отсутствует информация о месте хранения находок.

В общей сложности с 10 по 15 сентября 1927 г. было исследовано 20 курганов, из которых 15 находились в группе к юго-востоку от деревни, т. е. в курганно-жальничном могильнике Дятлицы I, и 5 в курганной груп-

² Ныне Ломоносовский район Ленинградской области.

³ «Жальники были исследованы в одном только месте, и за недостатком времени и вследствие дурной погоды записи не велись» (Штофф 1901: 215).

⁴ К сожалению, в отчете отсутствуют планы курганных групп, приводится лишь их общее описание.

⁵ Наличие краткого анализа строения курганных насыпей в составе отчета предполагает, что данный отчет является чистовым экземпляром, предназначенным для сдачи в архив. По всей вероятности, он был написан на основании полевых материалов, которые, к сожалению, в архиве РЭМ отсутствуют.

¹ Автор этих строк не раз был свидетелем как огромного научного интереса, с которым Юрий Михайлович осматривал и зарисовывал свежие находки, так и жарких споров, причины которых заключались в его несогласии с хронологической и культурно-исторической интерпретацией отдельных, хорошо известных категорий находок.

пе Дятлицы II, расположенной к северу от церкви.

В курганной группе I, располагавшейся к юго-востоку от церкви, к началу работ сохранилось около 60 курганов, около половины из которых были раскопаны предыдущими исследователями. Группа со всех сторон была окружена пахотными полями, распашка постепенно уничтожала курганы. К настоящему времени группа не сохранилась и считается утраченной (Лапшин 1990: 80).

В курганной группе, расположенной к северу от церкви дер. Дятлицы, С. А. Теплоуховым было исследовано всего 5 курганов. К началу раскопок группа насчитывала около 200 густо поросших кустарником курганов, разделенных ложиной на две части — западную и восточную. В составе группы II, большинство памятников которой аналогичны по своему внешнему виду описанным в группе I, отмечены несколько высоких конических насыпей, а также несколько курганов, сплошь выложенных камнем по поверхности.

Среди применявшихся С. А. Теплоуховым методических приемов исследования стоит отметить раскопки курганов насыпей на снос, с полной предварительной расчисткой каменной обкладки и оставлением одной широкой — шириной 1 м — бровки для фиксации точных размеров и стратиграфии насыпи (Теплоухов 1927: 1), смачивание грунта для выявления контуров могил (Теплоухов 1927: 2) и нанесение выявленных контуров на план кургана.

Небольшое в целом число раскопанных курганов насыпей, их схожее внутреннее строение, единый хронологический интервал, в котором были совершены захоронения, и отсутствие коллекции находок — все это позволяет провести анализ отчетного материала суммарно, разделение по группам приводится только в случае ярко выраженных отличий.

Строение насыпей

В курганной группе I⁶, постепенное уничтожение которой распашкой фиксировалось еще в начале XX в., а ныне считающейся полностью уничтоженной, С. А. Теплоуховым

было насчитано 60 курганных насыпей; жальничные же захоронения, отмеченные Н. А. Штоффом на северо-западном и юго-восточном краях группы в 1900 г., к моменту раскопок 1927 г. уже были утрачены. Насыпи невысокие, от 0,5 до 0,88 м, полусферической формы, диаметром от 3,5 м до 4,7 м, окруженные по основанию кольцевыми валунными выкладками в 1—3 ряда. Лишь одна насыпь — №14, имела большие размеры: диаметр 6,3 м при высоте 1,15 м. Каменные оградки, сложенные из крупных и среднего размера гранитных валунов, составленных довольно редко, зафиксированы в основаниях трех курганов (№1, 4, 12 и 14); в остальных насыпях они сложены довольно плотно, иногда в два яруса. Аккуратность и регулярность кольцевых обкладок, по мнению Е. А. Рябинина, характерны для ранних погребальных памятников Ижорского плато (Рябинин 2001: 23). Нужно подчеркнуть, что, по наблюдениям Е. А. Рябинина, использование при устройстве обкладки насыпей валунного камня, а не известняковой плиты, значительно более распространенной на Ижорском плато, в тенденции является ранним хронологическим признаком.

Лишь в кургане №13 каменная оградка насыпи раскопками не зафиксирована. Для надгробных сооружений Ижорского плато отсутствие каменной обкладки в основании насыпи не характерно, по всей вероятности, в данном кургане обкладка была уничтожена при распашке или растащена жителями на постройку.

Характерной особенностью всех раскопанных курганов (Теплоухов 1927: 1) является установка валуна значительных размеров — «огромного» — в западной части обкладки, отсутствующего лишь в двух случаях из 20 (в курганах №3 и 14). В курганах №6 и 8 эти камни большего размера поставлены смещенно относительно оси погребения. Разница между ориентировкой захоронения и направлением установки крупного камня в головах говорит о возведении курганных насыпей по прошествии некоторого времени после предания останков земле. Таким образом, можно констатировать, что большинство насыпей возводилось практически сразу после совершения захоронения, однако некоторые — спустя достаточно продолжительное время, что и обусловило указанную разницу в ориентировке.

В верхней части насыпей 7 и 14 встречались отдельные валуны, а в центральной части насыпи кургана №15 была сформирована валунная выкладка в 3 яруса.

⁶ Н. А. Штофф в своем Отчете о раскопках (Штофф 1901) считает группу, расположенную к северу от деревни, группой I, а находящуюся южнее — группой II, в то время как и его предшественники (Спицын 1896), и исследователи более позднего времени (Теплоухов 1927; Коишевский, Дебец 1927; Лапшин 1990) называют группой I курганы, располагавшиеся к югу от деревни, а группой II — находящиеся к северу.

Отдельные камни и целые булыжные вымостки нередки в курганах запада Новгородской земли. Они фиксировались, например, Л. К. Ивановским в могильнике Озера (Спицын 1896: 70), В. Н. Глазовым в курганной группе у дер. Калихновщина (Глазов 1900: 57 об.—58, рис. 14), Е. А. Рябининым в курганной группе у дер. Бегуницы (Рябинин 2001: 24). Камни в верхней части намогильной насыпи также отмечались во время работ студентов Санкт-Петербургского университета, проводивших исследования погребальных памятников у дер. Замошье (Спицын 1910: 27; Медведева, Соболев 2013: 351) и Л. Н. Целепи в Верхнем Полужье (Целепи 1899: 7, 8 об., 9). За пределами Новгородской земли как отдельные камни, так и каменные вымостки и выложенные из камней своды, более редки, но прослежены, к примеру, в курганах Тверского Поволжья (Степанова 2010: 188—190).

Насыпи курганов возводились как за один прием, так и могли подновляться и досыпаться. В разрезах курганов (№4—9, 12, 14) на середине их высоты фиксировались гумусированные прослойки, свидетельствующие о досыпке насыпи курганов или об искусственном перекрытии насыпи на определенном ее уровне дерном.

Также в разрезах курганов (№8, 10, 11 и 12) зафиксированы горизонтальные прослойки различной толщины на уровне погребенного дерна или несколько выше, являющихся, по всей вероятности, остатками дерновых или дерево-дерновых перекрытий могильных ям.

В первой курганной группе лишь дважды тела погребенных были помещены на уровне древней дневной поверхности, а в одном из курганов (№6) могильная яма лишь прорезала слой погребенного дерна (Теплоухов 1927: 7—7 об.), остальные могильные ямы достигали глубины 0,3—0,6 м. В курганной группе II из 5 исследованных курганов в двух случаях (в курганах №2 и 5) останки были обнаружены на уровне древней дневной поверхности, а в одном — в кургане №3 — на 0,3 м «выше материка». Обращение к отчетному чертежу кургана (Теплоухов 1927: 20) показывает, что материком С. А. Теплоухов называет верхний уровень погребенного дерна, т. е. захоронение было совершено на подсыпке высотой 0,3 м.

Помещение останков на уровне древней дневной поверхности или на подсыпке является характерной чертой погребального обряда населения Ижорского плато. Появление погребений в грунтовых ямах относится к XIII в.,

однако именно в курганах у дер. Дятлицы и соседних могильниках «сохраняется традиция хоронить умерших на уровне погребенной почвы» (Хвощинская 1981: 35).

Стоит отметить, что при раскопках лишь однажды зафиксирован развал керамического сосуда в грунте насыпи (курган №5 группы Дятлицы II). Находки в теле курганной насыпи и на уровне погребенного дерна разбитой глиняной посуды являются характерной особенностью погребального обряда населения Ижорского плато (Рябинин 2001: 31). Возможно, фрагментированный керамический материал был пропущен при раскопках или по какой-то причине сочтен не заслуживающим внимания.

Обряд погребения и вещи

Прослеженный в исследованных курганах обряд погребения демонстрирует достаточно единообразную картину: за одним исключением, под всеми насыпями было расчищено по одному захоронению по обряду ингумации. Большая часть — 13 из 15 — была совершена в могилах, размеры которых были прослежены не всегда надежно, глубина колебалась от 0,2 до 0,7 м. Лишь в курганах №3 и №4 захоронения были совершены на уровне погребенного дерна. Все погребенные ориентированы головами на запад с естественными отклонениями, трактуемыми как сезонные. В тексте отчета направление погребения указано в градусах, заметна равномерность распределения направлений в диаграмме, что позволяет утверждать, что информация подготовлена к подаче в отчет уже в генерализованном виде.

В курганах №6, 7, 12, 15 по стенкам и на дне могил прослежены остатки досок и их следы. По всей видимости, они не могут быть интерпретированы как остатки гробов, во всяком случае, гробов в современном понимании — положение тел большинства погребенных исключало наличие какой бы то ни было крышки, также примечательно, что не было найдено ни одного гвоздя или костыля, скреплявшего доски. Вероятно, прослеженные фрагменты дерева относились к рамчатым каркасам, сооруженным в могилах, часть деревянных фрагментов, возможно, относилась к остаткам дощатых «носилок», на которых тело доставляли к месту погребения и опускали в могилу.

Достоверно сидячих погребений, достаточно характерных для региона Ижорского плато, в исследованиях С. А. Теплоухова

в Дятлицах не прослежено, однако подавляющее большинство погребенных было помещено в могилы в полусидячем положении или с приподнятой головой, или всей верхней частью туловища. Это подтверждается и зафиксированным в тексте отчета порядком расчистки костей скелета, и приведенными чертежами; лишь в курганах №4 и 15 погребенные лежали вытянуто на спине.

Такие детали погребального обряда, как приподнятая голова (т.е. наличие изготовленной из органических материалов и чаще всего не фиксируемой при раскопках «подушки») и/или приподнятое положение всей верхней части тела погребенного время от времени встречаются среди древнерусских захоронений как на северо-западе Новгородской земли, так и в других регионах. Аналогичное положение тел фиксировалось в Северо-Восточном Причудье, например, в курганах №6 и 12 группы у дер. Калихновщина, исследовавшейся В. Н. Глазовым в начале XX столетия (Глазов 1900: 43 об., 44, рис. 3; 46—46 об., рис. 5), на Ижорском плато, в раскопках дореволюционных исследователей (Спицын 1896: 7—8) и в современных работах (Рябинин 2001: 34—35), в исследованных в Верхнем Поплюсье древнерусских подкурганых захоронениях, изучавшихся автором настоящей статьи.

Исследователи не раз обращали внимание на распространение сидячих и полусидячих погребений на территории Древней Руси, однако, установить «причины и условия появления этой обрядности в древнерусских курганах пока не удается» (Седов 1982: 174). Ю. М. Лесман, посвятивший данной детали погребального обряда одну из своих работ, констатировал отсутствие связи со скандинавским погребальным обрядом X в. и пришел к выводу о возникновении этого элемента погребального обряда в восточных районах Новгородской земли (Лесман 1981а: 55).

Сохранность костей не всегда позволяет достоверно зафиксировать положение рук погребенных: оно может быть прослежено лишь в 7 погребениях, еще в трех захоронениях может быть частично реконструировано, устойчивая традиция не фиксируется.

Интересной отмеченной в отчете особенностью, прослеженной в захоронениях под насыпями 6 курганов, является помещение отдельных камней возле тела покойного. В насыпи, над черепом погребенного в кургане №3 было расчищено три некрупных валуна, еще один небольшой камень располагался между колен погребенного; в кургане №5, над

могилей, в головах, на уровне погребенного дерна также зафиксировано несколько гранитных камней. По одному крупному валуну было помещено в ногах погребенных в курганах №1 и №9, в кургане №2 камень был расчищен в районе правого колена погребенного, а в могиле, исследованной под насыпью кургана №15, по одному гранитному валуну находилось в ногах, над левым коленом и слева над черепом.

Помещение отдельных камней в могилу характерно и для захоронений под курганами группы II.

Обращает на себя внимание находка в заполнении могилы кургана №1 II группы кусочка кремня «со следами оббивки» (Теплоухов 1927: 17 об.). Кресальные кремни в насыпке могил встречались при исследовании захоронений втор. пол. — конца XII в. кладбищ средневекового Которского погоста.

Антропологический анализ материала, по всей вероятности, не проводился; информация о том, была ли сформирована коллекция антропологического материала, отсутствует. В отчет лишь в одном случае — в описании захоронения в кургане №13, отмечено, что костяк принадлежал «молодому субъекту (лет 14—16)» (Теплоухов 1927: 14 об), в описаниях остальных курганов половые и возрастные характеристики не приведены. Это кажется странным, т.к. С. А. Теплоухов профессионально разбирался в антропологии: в середине 1910-х гг. он был оставлен при кафедре географии и этнографии в Казанском университете, стажировался в Санкт-Петербурге у председателя Русского антропологического общества профессора Ф. В. Волкова, позднее, в 1919—1921 гг., был доцентом Томского университета по кафедре географии и антропологии (Китова 2010: 168), а на отчетных чертежах курганов многие кости скелета подписаны им по-русски и/или по-латыни⁷ (Теплоухов 1927: 3, 5—9, 13, 14, 18, 21).

Вещи — украшения и/или детали костюма, орудия труда, предметы вооружения — были найдены в половине исследованных курганов, однако общее число найденных предметов незначительно. К сожалению, в отчете отсутствуют рисунки вещей, а их описание в тексте отчета ограничивается лишь типом найденного предмета. В целом можно отме-

⁷ Хотя не обошлось и без курьезных недоразумений — на некоторых чертежах (напр.: Теплоухов 1927: 6, 11) количество изображенных на чертеже ребер превосходит число данных костей, имеющееся у подавляющего большинства людей.

тить большую насыщенность находками курганов второй группы, где вещи были найдены в 4 захоронениях из 5 исследованных (в группе 1 соотношение составляет 7 из 15).

Украшения. Серьги или височные кольца, по всей вероятности, проволочные, найдены по одному в курганах №3, 7 и, возможно, в кургане №5; бронзовая застежка, вероятно, подковообразная — в кургане №15, браслеты — в курганах №8 («На обеих руках немного выше запястья широкие медные браслеты» (Теплоухов 1927: 9 об)), №11 и, вероятно, №12. Собственно, в последнем кургане сами браслеты найдены не были, но на костях предплечий были зафиксированы медные окислы (Теплоухов 1927: 13 об), остающиеся после разрушения украшений. Также в кургане №5, рядом с черепом, были найдены сломанный бронзовый перстень с небольшой печаткой (на фаланге пальца) и выпуклая медная бляшка.

В курганной группе II украшений головы найдено не было. В кургане №3 найдены браслет и застежка, а в кургане №4 — перстень и несколько бусин.

Украшения головы — обычно парные в женском уборе — широко распространены территориально и хронологически; в разработанной Ю. М. Лесманом хронологии новгородских древностей (Лесман 1984; 1990; и др.) они образуют семь хронологически значимых типов (Лесман 1990: 69). К сожалению, по столь скудному описанию найденные С. А. Теплоуховым артефакты не могут быть однозначно отнесены ни к одному из них.

Судя по отчетному чертежу (Теплоухов 1927: 5), украшение имело небольшие размеры и могло относиться к группе проволочных перстнеобразных височных колец. Такие кольца были популярны со втор. пол. XI и до конца XIII в. (Лесман 1990: 69), однако, нужно заметить, что перстнеобразные кольца очень редко находимы по одному экземпляру, их число в уборе доходит до 6—10 экз.

Возможно, найденные височные украшения представляли собой изготовленные из дополнительно перекрученной вокруг своей оси медной или бронзовой проволоки, аналогичные найденным В. Н. Глазовым в жальниках у д. Большие Поля (Спицын 1903: 66, 69), Савиновщина (Спицын 1903: 78—79), кургане №15 при мызе Куричок (Спицын 1903: 85, 20, табл. XXIV, 7). Такие украшения sporadически встречаются в подкурганных и жальничных женских захоронениях Новгородской земли, всегда по одному экземпляру в погре-

бении. Время их бытования не может быть определено на основании шкалы новгородских древностей, но в целом они являются находками, маркирующими достаточно поздний пласт погребальных памятников (вероятно, не ранее XIII в.). А. А. Спицын, анализируя материал из раскопок В. Н. Глазова в Восточном Причудье, определяет эти изделия как «характерные неправильно перегнутые височные кольца, как бы мятые», относя их бытование к еще более позднему времени — к XIV—XV вв. (Спицын 1903: 54).

Застежки «с усиками» или «концами» (Теплоухов 1927: 16 об, 19 об) — по всей вероятности, подковообразные — находка весьма характерная как для мужских, так и для женских захоронений, может быть датирована несколько уже — наиболее поздние из подковообразных выходят из употребления в конце XIV в. (до 1396 г. (Лесман 1990: 75—76)). Замкнутые застежки существуют в более ограниченном хронологическом отрезке — начиная с последней четверти или конца XII в. до середины XIV в. (между 1177 или 1197 и 1340 гг. (Лесман 1990: 77—78)).

Браслеты, как и все остальные находки из погребений в Дятлицких курганах, описаны в отчете крайне скупо, в то время как данная категория находок является одной из наиболее массовых как в городских культурных напластованиях, так и в погребальных древностях. Определенные как «широкие», браслеты из погребения в кургане №8 могут быть датированы лишь интервалом от последней четверти XII до конца XIV в. в целом (Лесман 1990: 38). Также стоит отметить, что широкие браслеты — наиболее поздние из данной категории украшений (Лесман 1990: 34).

Перстень «с небольшой печаткой», найденный в кургане №5 курганной группы I, может быть отнесен к группе щитковых перстней (Лесман 1990: 46—47). При отсутствии информации о форме и сечении щитка, наличии и композиции орнамента, можно лишь суммарно датировать данный предмет временем бытования щитковых перстней в целом — от середины XII до (после 1161 г. или после 1197 г., верхняя дата не определима, но позднее 1299 г. (Лесман 1990: 51—53)).

Оружие. Железные наконечники метательного оружия — наконечник копья и несколько наконечников стрел были найдены под насыпями курганов №2 и 3 группы Дятлицы II. Наконечник стрелы, обнаруженный в одном из горшков, стоявших в ногах погребения в кургане №3, лишь упомянут в отчете, тип его не известен.

Орудия труда. В ногах погребенного в кургане №5 группы Дятлицы II был найден железный серп. Данная категория находок, в первую очередь кос и серпов, довольно редко, но встречается в погребениях Новгородской земли (Рябинин 1974). Выказывалось предположение о большей распространенности находок орудий труда в контактных зонах, где в формировании древнерусской культуры, кроме славянского населения, участвовали финно-угорские племена.

Керамика. Фрагменты керамических сосудов в захоронениях зафиксированы лишь дважды: небольшой развал горшка «очень плохой сохранности» слева, выше уровня погребения в кургане №6 (Теплоухов 1927: 7 об.) и отдельный черепок, также слева у пояса погребенного, в кургане №14. Еще в двух курганах группы Дятлицы II развалы сосудов расчищены в ногах погребений.

Кургану №2, как наиболее сложному и интересному, ниже будет уделено особое внимание.

Округлая в плане насыпь кургана №2 при диаметре 6,4 м имела высоту 0,86 м, основание насыпи было обложено валунными камнями средней величины в один ряд «с интервалами». Под восточной и в верхней части юго-западной половины кургана расчищены каменные вымостки. Зафиксированный стратиграфический разрез насыпи позволяет утверждать существование дополнительных конструкций. На уровне древней дневной поверхности в центре площадки расчищен скелет, от которого сохранились лишь череп, несколько позвонков, часть костей предплечья левой руки, таза и ног. Судя по расположению костей, погребенный лежал вытянуто на спине, головой практически точно на запад, кисть левой руки, вероятно, находилась в районе лонного сочленения. В 0,35—0,7 м к востоку от сохранившихся костей ног лежал большой гранитный валун овальной в плане формы. К югу от валуна выявлен развал керамического сосуда черного цвета; к северу от валуна, вплотную к нему, обнаружена линза мелких кальцинированных костей, в северной части скопления которых найдено железное втульчатое копье с пером, по всей вероятности, листовидной формы, и четыре железных черешковых наконечника стрел. К востоку и северо-востоку от кремации на уровне древней дневной поверхности расчищена однослойная каменная вымостка, между валунами которой встречались угли и зола, а сами камни несли на себе следы воздействия огня, но «расположение их не напоминает очага» (Теплоухов 1927: 18).

Обряд кремации не характерен для населения Ижорского плато. Из почти 6000 исследованных курганов лишь несколько десятков содержали погребения по обряду полного или частичного сожжения⁸. Все они связываются исследователями с додревнерусским населением региона и датируются X—XI вв. (Кольчатов 1982: 63—65).

Найденные среди кальцинированных костей наконечники стрел — черешковые, два из них имеют перо листовидной формы, а оставшиеся два — узкие вытянутые перья, что позволяет их предположительно отнести к ланцетовидным. Наконечник копья схож с типами III или IV по типологии А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1966), первый из которых датируется очень широко, а второй относится исследователем к XI—XIII вв.

Представляется вероятным, что насыпь кургана №2 перекрыла более раннее погребение по обряду кремации, датируемое X — началом XI в.

Если сделанное предположение верно, то исследованное С. А. Теплоуховым погребальное сооружение может быть отнесено к раннему этапу заселения Ижорского плато. Косвенным свидетельством в пользу высказанного предположения может служить находка в 1846 г. монетно-вещевого клада в поле у мызы Боровская, расположенной к юго-западу⁹ от дер. Дятлицы (Корзухина 1954: 103).

В последние годы исследователями получены сведения об обнаружении новых погребений по обряду кремации на территории Ижорского плато (Стасюк 2008а; 2008б). К сожалению, все находки были сделаны не в ходе археологических исследований, а путем уничтожения памятников древности кладоискателями, надгробные сооружения разрушены без фиксации, а находки разошлись по частным коллекциям. На фоне недостаточного финансирования науки и общего сокращения объема археологических исследований информация, заключенная в отчетах наших предшественников, обретает особую ценность.

⁸ Необходимо учитывать, что методика исследований и степень документированности работ Л. К. Иванова и Н. К. Рериха заставляют относиться к опубликованным результатам с большой осторожностью.

⁹ В публикации мыза Боровская ошибочно помещена между Ропшей и Дятлицами, т. е. к востоку от Дятлиц, тогда как в действительности она находилась в 2,5 км к юго-западу от Дятлиц.

Литература

- Глазов В. Н. 1900. *О раскопках В. Н. Глазова в Гдовском уезде С.-Петербургской губ.* НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 50.
- Китова Л. Ю. 2010. Сергей Александрович Теплоухов. *РА* (2), 166—173.
- Коишевский Б. А., Дебец Г. Ф. 1927. *Отчет по археологической рекогносцировке в Ленинградской губ. по маршруту Детское Село — Копорье сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской обл. Б. А. Коишевского и Г. Ф. Дебета в 1927 г.* НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 108.
- Кольчатов В. А. 1982. О времени заселения Ижорского плато. В: Столяр А. Д. (отв. ред.). *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья.* Ленинград: Ленинградский университет, 61—65.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Лапшин В. А. 1990. *Археологическая карта Ленинградской области I. Западные районы.* Ленинград.
- Лесман Ю. М. 1981а. О сідячих погребениях в древнерусских могильниках. *КСИА* 164, 52—58.
- Лесман Ю. М. 1981б. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада. *КСИА* 166, 98—103.
- Лесман Ю. М. 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато. В: Столяр А. Д. (отв. ред.). *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья.* Ленинград: Ленинградский университет, 65—74.
- Лесман Ю. М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации). В: Колчина Б. А., Янина В. Л. (ред.). *Археологическое изучение Новгородской земли.* Ленинград: ЛГУ, 118—153.
- Лесман Ю. М. 1988. *Погребальные памятники северо-запада Новгородской земли и Новгород XI—XIV вв.: синхронизация вещевых комплексов.* Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Лесман Ю. М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода: (X—XIV вв.). В: *Материалы по археологии Новгорода. 1988.* Москва, 29—98.
- Лесман Ю. М. 2008. Вырицкий курганный могильник. В: Сорокин П. Е. (ред.-сост.). *Археологическое наследие Санкт-Петербурга 2. Древности Ижорской земли.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 33—74.
- Лесман Ю. М. 2011. Причудье и Ижорское плато и культурная специфика северо-русского пограничья в XI—XII вв. *РАЕ* 1, 396—421.
- Медведева М. В., Соболев В. Ю. 2013. Раскопки у д. Замошье в 1910 г.: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А. А. Спицына. В: Лабутина И. К. (отв. ред.). *Археология Пскова и Псковской земли.* Мат-лы 58-го заседания семинара имени акад. В. В. Седова. Москва: ИА РАН; Псков: ПГОИАХМЗ, 346—358.
- Рябинин Е. А. 1974. Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли. *КСИА* 139, 23—26.
- Рябинин Е. А. 1997. *Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей.* Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Рябинин Е. А. 2001. *Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971—1991 гг.).* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Седов В. В. 1982. *Восточные славяне в VI—XIII вв.* Москва: Наука.
- Спицын А. А. 1896. *Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского.* МАР 20. Санкт-Петербург.
- Спицын А. А. 1903. *Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова.* МАР 29. Санкт-Петербург.
- Спицын А. А. 1910. *Отчет о раскопках в Удрай-Замошье Лужского у. Ленинградской губ.: Александрова, С. Дубинского, К. Кудряшова, Н. Лаврова. Любомирова, Вл. Острогского, Покровского, Садикова, Саханева, Тищенко, Чернова и Балицкого. Май 1910 г.* НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 214.
- Стасюк И. В. 2008а. Могильник у поселка Ополье: новые данные о ранних этапах освоения Ижорского плато. В: Носов Е. Н., Тихонов И. Л. (ред.). *История и практика археологических исследований.* Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына. Санкт-Петербург: СПбГУ, 362—364.
- Стасюк И. В. 2008б. Могильник у поселка Ополье: новые данные к изучению ранних этапов освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху (предварительное сообщение). В: Виноградов А. В. (отв. ред.). *Исследование археологических памятников эпохи средневековья.* Санкт-Петербург: Нестор-История, 3—24.
- Степанова Ю. В. 2010. Древнерусские курганы Верхневолжья: конструкция насыпей и особенности устройства погребений. В: Гайдуков П. Г. (отв. ред.). *Археология Пскова и Псковской земли.* Семинар имени акад. В. В. Седова. Мат-лы 55-го заседания семинара. Псков: ИА РАН, 187—195.
- Теплоухов С. А. 1927. *Отчет о раскопках курганов у дер. Дятлицы. 1927 г.* РЭМ. Архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 97.
- Теплоухов С. А. 1928. *Раскопки С. А. Теплоухова 1928 г. в Северо-Западной области.* НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122.
- Хвоцинская Н. В. 1981. О некоторых различиях курганов Северо-Запада Новгородской земли. *КСИА* 166, 34—39.
- Целепи Л. П. 1899. *О раскопках Л. Н. Целепи в Лугском и Новгородском уездах.* НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1899. Д. 113.
- Штофф Н. А. 1901. Отчет о раскопках, произведенных СПб. Археологическим институтом 13—14 мая 1900 г. *Вестник археологии и истории XIV.* Санкт-Петербург, 211—218.

References

- Glazov, V. N. 1900. *O raskopkakh V. N. Glazova v Gdovskom uезде S.-Peterburgskoi gub. (On V. N. Glazov's Excavations in Gdov Uezd (County) of S.-Petersburg Guberniya).* Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 1. 1900. D. 50 (in Russian).
- Kitova, L. Yu. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 166—173 (in Russian).
- Koishevsky, B. A., Debets, G. F. 1927. *Отчет по археологической рекогносцировке в Ленинградской губ. по маршруту Детское Село — Копорье сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской обл. Б. А. Коишевского и Г. Ф. Дебета в 1927 г. (Report on Archaeological Recognition in Leningrad Guberniya along the Route Detskoe Selo — Kopyor'e, undertaken by members of palaeontological surveying expedition led by V.A. Koishevsky and G.F. Debets in Leningrad Oblast*

№5. 2014

- in 1927). Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 2. Op. 1. 1927. D. 108 (in Russian).
- Kolchatov, V. A. 1982. In *Severnaia Rus' i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ia (Northern Rus' and its Neighbors in Early Middle Ages)*. Leningrad: LGU, 61—65 (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady (Russian Hoards)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Lapshin, V. A. 1990. *Arkheologicheskaia karta Leningradskoi oblasti (Archaeological Map of Leningrad Oblast) I. Zapadnye raiony (Western Provinces)*. Leningrad (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 164, 52—58 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 166, 98—103 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1982. In *Severnaia Rus' i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ia (Northern Rus' and its Neighbors in Early Middle Ages)*. Leningrad: LGU, 65—74 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1984. In *Arkheologicheskoe izuchenie Novgorodskoi zemli (Archaeological Study of Novgorod Land)*. Leningrad: LGU, 118—153 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1988. *Pogrebal'nye pamiatniki severo-zapada Novgorodskoi zemli i Novgorod XI—XIV vv.: sinkhronizatsiia veshchevykh kompleksov (Burial Sites of North-Western Part of Novgorod Land and Novgorod in 11th—14th cc.: synchronization of artifact complexes)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1990. In *Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988 (Materials on Archaeology of Novgorod. 1988)*. Moscow, 29—98 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2008. In *Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga (Archaeological Heritage of S.-Petersburg) 2. Drevnosti Izhorskoi zemli (Antiquities of Izhorsk Land)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 33—74 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2011. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Annual) 1*, 396—421 (in Russian).
- Medvedeva, M. V., Sobolev, V. Yu. 2013. In *Arkheologiiia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology of Pskov and Pskov Land)*. Moscow: IA RAN; Pskov: PGOIAKhMZ, 346—358 (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 1974. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 139, 23—26 (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 1997. *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnei Rusi. K istorii slaviano-finskikh etnokul'turnykh svyazei (Finno-Ugric Tribes within Early Rus'. Towards History of Slavic-Finnish Ethnic-Cultural Relations)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 2001. *Vodskaiia zemlia Velikogo Novgoroda (rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy 1971—1991 gg.) (Vod' Land in the Great Novgorod (results of archaeological research in 1971—1991))*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin (in Russian).
- Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI—XIII vv. (Eastern Slavs in 6th—13th cc.)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1896. *Kurgany Sankt-Peterburgskoi gubernii v raskopkakh L. K. Ivanovskogo (Barrows of S.-Petersburg Guberniya in L. K. Ivanovsky's Excavations)*. Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the Archaeology of Russia) 20. Saint Petersburg (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1903. *Gdovskie kurgany v raskopkakh V. N. Glazova (Gdov Barrows in V. N. Glazov's Excavations)*. Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the Archaeology of Russia) 29. Saint Petersburg (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1910. *Otchet o raskopkakh v Udrai-Zamosh'e Luzhskogo u. Leningradskoi gub.: Aleksandrova, S. Dubinskogo, K. Kudriashova, N. Lavrova. Liubomirova, Vl. Ostrogskogo, Pokrovskogo, Sadikova, Sakhaneva, Tishchenko, Chernova i Balitskogo. Mai 1910 g. (Report on Excavations in Udray-Zamosh'e of Luga County of Leningrad Guberniya: by Aleksandrov, S. Dubinsky, K. Kudriashov, N. Lavrov, Liubomirov, Vl. Ostrogsky, Pokrovsky, Sadikov, Sakhaneva, Tishchenko, Chernov and Balitsky. May 1910)*. Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk. Rukopisnyi arkhiv (Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Archive of Manuscripts). F. 5. D. 214 (in Russian).
- Stasjuk, I. V. 2008. In *Istoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (History and Practice of Archaeological Research)*. Saint Petersburg: SPbGU, 362—364 (in Russian).
- Stasjuk, I. V. 2008. In *Issledovanie arkheologicheskikh pamiatnikov epokhi srednevekov'ia (Study of Medieval Archaeological Sites)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 3—24 (in Russian).
- Stepanova, Yu. V. 2010. In *Arkheologiiia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology of Pskov and Pskov Land)*. Pskov: IA RAN, 187—195 (in Russian).
- Teploukhov, S. A. 1927. *Otchet o raskopkakh kurganov u der. Dyatlitsy. 1927 g. (Report on Excavations of Barrows near village Dyatlitsy. 1927)*. Rossiiskii Etnograficheskii muzei. Arkhiv. (Russian Ethnographic Museum. Archive). F. 3. Op. 1. D. 97 (in Russian).
- Teploukhov, S. A. 1928. *Raskopki S. A. Teploukhova 1928 g. v Severo-Zapadnoi oblasti (S. A. Teploukhov's Excavations of 1928 in North-Western Oblast)*. Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 2. Op. 1. 1928. D. 122 (in Russian).
- Khvoshchinskaya, N. V. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 166, 34—39 (in Russian).
- Tselepi, L. P. 1899. *O raskopkakh L. N. Tselepi v Lugskom i Novgorodskom uezdakh (On L. N. Tselepi's Excavations in Luga and Novgorod Counties)*. Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 1. 1899. D. 113 (in Russian).
- Schtoff, N. A. 1901. In *Vestnik arkheologii i istorii (Bulletin of Archaeology and History) XIV*. Saint Petersburg, 211—218 (in Russian).

Статья поступила в номер 10 марта 2014 г.

Vladislav Sobolev (Saint Petersburg, Russia). Saint Petersburg State University¹.

Vladislav Sobolev (Sankt Petersburg, Russia). Universitatea de Stat din Sankt Petersburg.

Соболев Владислав Юрьевич (Санкт-Петербург, Россия). Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: vlad.sobolev@gmail.com

Address: ¹ Universitetskaya Nab., 7/9, Saint Petersburg, 199034, Russia